

Научная статья
УДК 81.13+81.37+81.42
doi: 10.17223/19986645/93/2

Структурно-семантическая трансформация и аксиологический потенциал образных единиц в романе Д. Гранина «Мой лейтенант»

Татьяна Александровна Демидова¹, Ирина Яковлевна Пак²

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, demidtanya@yandex.ru*

² *Народный университет Китая, Пекин, Китай, Ira3822@yandex.ru*

Аннотация. Исследование посвящено многоаспектному анализу образных единиц в последнем крупном произведении Д. Гранина «Мой лейтенант» (2011). Представляется структурно-семантическая классификация единиц лексического и синтаксического уровней, включающая метафоры, собственно образные лексические единицы, образные сравнения и идиоматичные образные выражения. Описывается специфика процессов расширения данных языковых явлений в художественном тексте, а также определяется главная функция таких трансформаций – аксиологическая. Выделяются различные виды оценки: эмоционально-чувственная, этическая, валеологическая, сенсорно-вкусовая, эстетическая и др.

Ключевые слова: образность, образные единицы языка, художественный дискурс, расширение метафоры, литература о войне, аксиология

Для цитирования: Демидова Т.А., Пак И.Я. Структурно-семантическая трансформация и аксиологический потенциал образных единиц в романе Д. Гранина «Мой лейтенант» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 24–47. doi: 10.17223/19986645/93/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/93/2

Structural-semantic transformation and axiological potential of figurative units in Daniil Granin's novel *My Lieutenant*

Tatiana A. Demidova¹, Irina Ya. Pak²

¹ *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation,
demidtanya@yandex.ru*

² *Renmin University of China, Beijing, People's Republic of China, Ira3822@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the structural and semantic status of figurative units with metaphorical semantics, describes the mechanisms of their creation and the evaluative potential realized in the context of a work of art. The subject of the analysis is figurative units of lexical and syntactic levels functioning in a literary text. The aim of the study is to describe the structural and semantic features of figurative units, the types of their contextual transformation, ways of realizing axiological potential. The study is

conducted on the material of Daniil Granin's novel *My Lieutenant*, where the main metaphorical transformations are described for the first time and their axiological status is determined. In general, the methodology of the study is based on the provisions of the theory of cognitive metaphor (G. Lakoff, M. Johnson), the theory of lexical imagery (O.I. Blinova, E.A. Yurina), as well as on the methodology of axiological analysis presented in the works of N.D. Arutyunova. The need to highlight the key features of the figurative units' functioning in literary discourse, to describe the mechanisms of their structural and semantic transformation in the context in terms of realizing their axiological potential determined the scope of this study. The volume of the analyzed material is 223 figurative contexts, based on the analysis of which two groups of figurative units are distinguished: linguistic (usual) and individual-author's ones (contextually determined). Three groups of author's contextual transformations are identified, which lead to a change in the structural-semantic status of the figurative unit and contribute to the implementation of the evaluative function: without changing the form of the usual figurative unit, with a change in the form of the usual figurative unit (without changing the semantics), as well as with a partial change in form when replacement of individual elements in the figurative expression occurs in order to update the unobvious attribute. Contextual transformations primarily realize the evaluative function of figurative units. The study identifies the main groups of words and expressions with evaluative semantics: emotional-sensual, ethical, valeological, sensory-gustatory, aesthetic, intellectual, and utilitarian. Their systematization is carried out according to the principle of the frequency of use in the context. The analyzed material is divided into two groups with general evaluation values; a conclusion is made about the predominance of pejorative evaluation associated with the content side of the novel, which tells mainly about military and post-war life. This study allowed determining the scope and boundaries of the use of figurative units in a work of art and describe their high axiological potential.

Keywords: imagery, figurative units of language, literary discourse, metaphor expansion, literature about war, axiology

For citation: Demidova, T.A. & Pak, I.Ya. (2025) Structural-semantic transformation and axiological potential of figurative units in Daniil Granin's novel *My Lieutenant*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 93. pp. 24–47. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/93/2

Введение

Формирование когнитивной лингвистической парадигмы способствовало актуализации интереса к исследованию способов метафоризации и феномена метафоры, рассматриваемой в современной когнитивистике в качестве «фундаментального познавательного механизма, языковые репрезентации которого отражают ментальные структуры в сознании человека» [1. С. 3]. Процесс метафорического моделирования является универсальной чертой мышления, естественным способом категоризации действительности, поскольку «человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [2. С. 10]. Данное исследование посвящено анализу структурно-семантического статуса образных слов и выражений с метафорической семантикой, стратегий и механизмов их создания в художественном дискурсе и оценочному потенциалу, так как «метафора является одним из способов объективации категории оценочности в

художественном дискурсе» [3. С. 115], а ее функционирование обусловлено содержательно-концептуальной информацией текста [4. С. 126]. Внимание к когнитивной сущности метафоры, реализующей свой функционал в художественном дискурсе, представлено в работах А.Л. Токаревой, О.С. Складовой, Д.У. Ашуровой, Б.Т. Дзусовой, А.С. Самигуллиной и др. [1, 3–6].

Предмет анализа – образные единицы лексического и синтаксического уровней, функционирующие в художественном тексте. **Целью** исследования является описание структурно-семантических характеристик образных единиц, механизмов их контекстуальной трансформации (расширение, смена статуса), способов реализации аксиологического потенциала с выделением основных видов оценки. Практическим материалом послужил текст последнего крупного произведения Д. Гранина «Мой лейтенант» [7]. Даниил Александрович Гранин (1919–2017) – один из признанных мастеров художественного слова XX в., писатель, «сформировавший культурный и интеллектуальный облик современного Петербурга» [8. С. 20]. Роман «Мой лейтенант» был написан в 2011 г. и впоследствии был оценен критиками по-разному: от восторженных отзывов до полного отрицания в нем исторической правды [9. С. 34]. С одной стороны, произведение продолжает традиции «лейтенантской прозы» [10–11], органично вписывается в понятие «петербургского текста» [12–13], с другой – представляет новую литературу о войне с ранее не описанными темами: личная и коллективная вина, существование человека в контексте «большой» истории, комплекс отрицательных эмоций и чувств, связанных с войной [14. С. 96]. К.А. Рогова назвала книгу «повествованием о событиях жизни и самоощущении человека XX века» [12. С. 82]. Большинство работ, посвященных исследованию романа «Мой лейтенант», носит литературоведческий характер. Изучаются военные, блокадные темы [13–15], выявляются индивидуально-авторские особенности текста [12, 16]. В лингвистическом ключе представлено немного работ, они связаны с описанием фрагмента языковой картины мира, в частности концепта «страх» [17–18], лингвистическими и культурологическими аспектами перевода текста [19]. Следует отметить, что исследование метафорического переосмысления мира в произведениях Д. Гранина (как в ранних, так и в более поздних) – область, которую только предстоит изучить. Нет ни одной работы, где было бы представлено полное описание образности текстов писателя, определены основные метафорические трансформации и выявлены индивидуально-авторские особенности образных переосмыслений. В некоторых исследованиях рассматриваются отдельные метафорические смыслы, связанные с характеристикой личности главного героя [20], с образным слоем определенного концепта [21]. Актуальность и новизна данного исследования заключаются в том, что образные единицы в романе Д. Гранина впервые в полном объеме структурируются и систематизируются. Также необходимо отметить, что в новейшей литературе о войне произошло смещение аксиологического вектора, разрушение привычной модели восприятия мира с делением на свое (положительное) и чужое (отрицательное). Данный роман демонстрирует тенденцию к критическому

осмыслению прежде всего своих поступков и действий, следовательно, изучение новых аксиологических смыслов, заложенных в метафорических единицах текста, связанных с войной и послевоенной жизнью, не только дает богатый материал для интерпретации художественной картины мира в пространстве современной русской литературы, но и становится ключом к пониманию чувств и мыслей человека XXI в., живущего в мире социальных и политических конфликтов. В целом **проблематика** данного исследования определяется необходимостью выделить ключевые черты функционирования образных единиц в художественном дискурсе, описать процессы структурно-семантической трансформации метафорических единиц в контексте, способы контекстуальной реализации типовых метафорических моделей и аспекты функционирования метафор в художественном тексте с точки зрения реализации их аксиологической наполненности.

Основой методологии послужили теория когнитивной метафоры Дж. Лакоффа, М. Джонсона [22], теория лексической (семасиологической) образности, разработанная учеными томской лингвистической школы О.И. Блиновой, Е.А. Юриной [23], и исследования Н.Д. Арутюновой, связанные с типологией оценочных значений [24].

В качестве основных применяются описательный метод, метод компонентного и контекстуального анализа, дефиниционный анализ. В последней части работы используется методика аксиологического анализа, позволяющая произвести отбор метафорических единиц с оценочной семантикой, выявить основания для образной оценки и распределить рассматриваемые единицы по группам с частными видами оценки. Кроме того, в работе используется прием сплошной выборки для формирования базы образных единиц, а также прием количественной обработки данных – для систематизации и группировки образных единиц, контекстуально реализующих разные типы оценки. Объем проанализированного материала составил 223 контекста, где были обнаружены образные единицы различных типов.

Структурно-семантическая классификация образных единиц

В рамках художественного текста актуальным становится вопрос о соотношении таких понятий, как общезыковое/универсальное и авторское/индивидуальное, что вполне логично и дискурсивно обусловлено. Эта дихотомия отразилась в классификации метафорических образных единиц. Традиционно выделяются две большие группы образных единиц с позиции; 1) соотношения общезыкового и индивидуально-авторского; 2) осознания или неосознания реципиентом образного компонента: языковые – речевые, художественные; конвенциональные – креативные, новые, новаторские, творческие, авторские; коллективные – индивидуально-авторские; обычные – аномальные; мертвые (стертые, лексикализованные) – живые (см. работы Д.У. Ашуровой, Г.Н. Скляревской, Е.П. Дулесова, Е.Б. Рябых [4, 25–27]). Например, Д.У. Ашурова проводит когнитивный анализ конвенциональной

и художественной метафор. Исследователь справедливо утверждает, что художественная метафора «отражает сущность художественного дискурса и заложена в основе его глубинного содержания» [4. С. 126], она является «важнейшим компонентом индивидуально-авторской концептуальной картины мира, что позволяет рассматривать ее в качестве концептуально-смысловой доминанты художественного дискурса» [4. С. 128], указывает на ее обусловленность контекстом. В случае с художественной (авторской) метафорой речь идет о когнитивном контексте, представляющем собой отражение индивидуального и коллективного опыта в их единстве (человек как представитель общества и как личность) – основной и вторичный контексты [4, 28]. С учетом этих установок нами была выбрана классификация образных единиц: градация от собственно языковых, конвенциональных, не требующих длительной когнитивной обработки за счет реализации в авторском контексте общеязыкового содержания (лексикографически зафиксированного), до индивидуально-авторских, представляющих собой своего рода шарады, которые читатель должен разгадать, ориентируясь на свой языковой опыт, знание мировидения автора, производя декодирование ближайшего контекстного окружения, а также учитывая контекст произведения и творчества писателя в целом.

Отметим, что в работе мы придерживаемся терминов «метафорическое выражение» и «образная единица», поскольку относим к классу образных единицы как лексического, так и синтаксического уровней, обладающие двуплановостью семантики и метафорической внутренней формой (см. работы О.И. Блиновой, Е.А. Юриной [23]). Проанализированный материал позволил сделать вывод, что в тексте встречаются следующие группы образных единиц с позиции их обусловленности контекстом: языковые (узловые, внеконтекстные), переходные и индивидуально-авторские (контекстуально обусловленные). Лексикализованные, стертые метафоры рассматриваем только в случае их «оживления», когда происходит актуализация образного потенциала за счет дополнительных элементов контекста.

Группы метафорических образных единиц

1. Метафора.

Языковая метафора – метафора, зафиксированная в словаре, реализующая в контексте свое общеязыковое значение, ее семантика понятна вне контекста: *сломаться* – не выдержав чего-н. тяжелого, трудного, утратить силы, проявить слабость (*Я вполне мог сломаться, убедиться в неспособности владеть собой*); *шишка* – влиятельный или занимающий важный, высокий пост человек; начальник (*Среди ее кавалеров были солидные дяди. Был какой-то шишка, водил ее в ресторан, кормил паюсной икрой, чем она хвасталась, поддразнивая меня*).

Художественная метафора – метафора, возникшая в пространстве художественного дискурса, сохранившая «печать» поэтического миротворчества (в основе – поэтизация образов, реализация эстетической функции), но

отделившаяся от контекста, ставшая своеобразным речевым образным клише, декодируемым вне контекста. Этот тип образных единиц сродни риторическим метафорам (А.В. Бельский, Г.Н. Складаревская и др.), к которым относят «метафоры, не обладающие индивидуальностью, употребляемые многими авторами, это своего рода «художественные штампы», клише...» [25. С. 37]. Художественные метафоры являются переходными образными единицами, поскольку, с одной стороны, они отделились от контекста и функционируют как метафоры языковые, с другой стороны, их яркая образность, аксиологическая и эстетическая наполненность транслируют их происхождение и тесную связь с художественным дискурсом. Например: река времени – река времен (*Великая Отечественная стала преданием, «река времен» унесла и ее в Историю, где пребывает Первая мировая, Гражданская война и прочие войны русской истории*), развилка судьбы (*В который раз я очутился на развилке судьбы: можно направо, можно налево*), сокровища духа народного (*Был упадок воли, разочарование, беспомощность начальства, но стали открываться сокровища духа народного. Даже когда Москва сгорела, духом не пали*).

Индивидуально-авторская метафора – метафора, в основе которой, по терминологии Н.Н. Болдырева, субъектный принцип формирования, заключающийся в том, что «они передают авторскую интерпретацию знаний о мире, основанную на собственном опыте его восприятия и образного осмысления» [29. С. 312]. Семантика метафоры поддается декодированию только с учетом элементов контекста – основного и вторичного. Например, *мучительно стыдное лето* (первое лето войны): *Но в истории того мучительно стыдного лета, первого лета войны, движение немецких колонн натякалось на непредвиденное*. Обратим внимание, что лето не является в данном случае субъектом, наделенным чувством стыда. Использование синестетической метафоры, сферой-источником которой является сфера чувств/эмоций, позволяет автору выразить субъективное восприятие первых месяцев войны, когда сам герой испытывает страх, неуверенность и стыд за себя – все те чувства и эмоции, описанию которых автор уделяет особое внимание на страницах своего произведения, чувства, пережитые им самим и переданные его герою. Метафора выступает в данном случае как своего рода резюме. Индивидуально-авторской метафорой часто становятся необразные языковые единицы, но приобретающие образность в контексте: *транжирить* – тратить что-либо (чаще всего – деньги) в большом объеме, без необходимости, легкомысленно: *Даже научившись воевать к концу войны, мы продолжали бессчетно транжирить своих*. Смена традиционного для глагола *транжирить* неодушевленного объекта (*транжирить/тратить деньги*) на одушевленный (*транжирить своих* – солдаты, военные) реализует в контексте значение «зря, без необходимости, необдуманно терять на войне большое количество людей». Опять же такое понимание возможно только с учетом контекста.

2. Собственно образная лексическая единица. Речь идет о первичных образных номинациях, для которых характерен морфологический тип мотивированности [23]. Образность этих единиц заложена в их структуре. Например: *окрылять* – давать надежду, силы (*Наступление окрыляло. Мы неслись, нарушая расчеты оперативников*); *обостриться* – стать напряженным (*Разговор обострился, когда секретарь назвал Миха врагом народа*); *оскотиниться* – утратить качества человека, стать бессердечным (*Наверное, нет единственно правильной истории, – сказал Густав. – В России мы оскотинились. Стыдно вспомнить*); *насобачиться* – научиться что-либо делать профессионально, набраться опыта (*Тогда они уяснили себе, что немцев поколотить совсем не просто, они, гады, воевать насобачились, обожают это дело*). Контекстуальная трансформация и изменение статуса (переход в разряд авторских) в контексте происходит и в случае с собственно образными единицами. Рассмотрим пример – описание жизни людей в блокадном Ленинграде. Д. Гранин, характеризуя эмоциональную и физическую истощенность многих людей в это тяжелое время, использует собственно образную единицу *звереть* (*Массовость смерти, блокадная обыденность ее, рождали чувство ничтожества жизни, разрушали смысл любого желания. Человек открывался в своем несовершенстве, он был унижен физически, он нравственно оказывался уязвим – бредущий труп. Сколько людей не выдержали испытаний, зверели*). Языковое значение образной единицы – приходя в ярость, в бешенство, проявляя крайнюю жестокость, становиться зверем. В контексте же происходит его трансформация – семантический сдвиг: собственно образное слово приобретает значение «утратить человеческий облик, человеческие эмоции, лишиться статуса человека, стать, как зверь». В контексте реализуется противопоставление человек (наделенный эмоциями, нравственными принципами) и зверь (лишенный этих характеристик). Также происходит последовательное развитие образа с целью усиления эмоционального воздействия: человек-труп (метафора *бредущий труп*), человек-зверь. Далее Гранин продолжает развитие ситуации, показывая, что, несмотря на испытания, выпавшие людям, многие из них смогли выстоять, остаться людьми – не *расчеловечиться* (утратить качества человека как личности): *Блокада открывала человеку, каков он, что он способен выдержать и не расчеловечиться*.

3. Образное сравнение. В отличие от образных единиц лексического уровня сравнение имеет другую синтаксическую структуру, поскольку содержит добавочный компонент: как, подобно, словно, похож на (*Город маячил на горизонте со своими куполами, трубами, все такой же блестящий и недоступный, как мираж; Котелок дрожал в руках ефрейтора, вода расплескивалась, он пил, отфыркивался, мотал головой, словно лошадь, а глаза его оставались белыми*). Одна и та же метафорическая модель может быть структурно оформлена по-разному. Например, базовая концептуальная модель «нечто – это еда» [30] объективируется в контексте и в виде образного слова с метафорической семантикой, и в виде образного выражения с добавочным элементом *похож на* (сравнения): *Так или нет, кто знает, тут ведь*

вся соль заключалась в интонациях Елизарова, в морщинках бледной, тестообразной его физиономии, в многоточиях; Секретарь по промышленности, блондин, пухлый, и руки пухлые, похожие на хлебобулочные изделия, торжественно сообщил... И в том и в другом случае форма/структура теста или изделия из теста выступает в качестве эталона, характеризующего часть тела человека. Но все-таки отождествлять образные единицы лексического и синтаксического уровней не стоит, особенно когда речь идет о художественном дискурсе, где каждый элемент, используемый автором, подчинен реализации авторской концепции, служит способом выражения авторской модальности. Выбор образной единицы всегда концептуально обоснован. Приведем в этой связи еще один пример. Активная метафорическая модель «человек – животное» в случае характеристики таких качеств человека, как неопытность, наивность, представлена в языке в виде уподобления человека слепому котенку и объективируется традиционно в виде сравнительного оборота с союзом *как* (*как слепой котенок*). В контексте же автор выбирает иную форму реализации этой модели – в виде метафоры (*слепой, котенок новорожденный*), оживляя лежащее в ее основе образное представление, актуализирует и развивает образ и создает таким образом авторскую метафору: *Нашему лейтенанту Римма досталась чистым существом. Он не мог тогда оценить всей прелести ее девичьей робости, стыдливости. Мог бы, да не оценил, слепой был, котенок новорожденный.*

4. Идиоматичные образные единицы. Авторы придерживаются широкого толкования термина «идиоматичные образные единицы» и относят к ним устойчивые выражения, реализующие уподобления, фразеологические сочетания, идиомы разной структуры, в том числе имеющие авторскую природу (авторские идиоматичные выражения) и контекстуально обусловленные. В романе «Мой лейтенант» представлены как конвенциональные идиоматичные выражения (элементы контекста не трансформируют узусальное значение выражения): витать в облаках (*Неопытность была во всем – в войне, в любви, в продуктовых карточках. Никто не запасался продуктами, никто не думал про эвакуацию. Все же мы не витали в облаках, мы отправились в ЗАГС*), дать прикурить (*Отправился этот комбат в первую роту, он наведет порядок, он всем даст прикурить*), поджечь хвост (*С какой стати мне возвращаться на завод, так трудно было отпроситься, и нате, явился, испугался, думал в солдатики поиграть, а как пришлось настоящей войны хлебнуть, так хвост поджигал и бегом назад*), так и идиомы авторские. Например, авторская идиома *не нырять под плот* в контексте реализуется в значении «не рискуй»: *Римме он объяснил свой отказ (*от высокой должности, бытовых благ) – другие начальники районов не поймут. На чужом горбу в рай ехать захотел. Некрасиво, стыдно, да и скользко. Ныне обстановка – чуть что не так, загремишь по полной. Не нырять под плот – это правило усвоил он с детства, когда нырнул под плот и заблудился там под бревнами, пока хватились, он уже тонул, еле откачали.* Образное выражение строится на основе переосмысления реальной жизненной ситуации (герой действительно чуть не утонул, нырнув под плот), спроецированной на

другую жизненную ситуацию уже в аспекте метафорического уподобления. Идиома *не ныряй под плот* относится к разряду авторских образных единиц, потому что имеет формальное выражение, не зафиксированное в словарях, строится на основе реальной ситуации из жизни конкретного героя, семантика соотносится с концептуально-смысловой информацией текста. Но несмотря на безусловную окказиональность, в структуре этого идиоматичного выражения находим реализацию типовой словообразовательной модели: выражение семантики «не рискуй» с помощью императивных моделей представлено в языке в таких конвенциональных образных идиомах, как «не лезь на рожон», «не буди лихо...».

Способы трансформации (расширения) узуальных образных выражений в контексте. Переход в разряд индивидуально-авторских образных единиц

Отметим, что, являясь авторской, образная единица строится на основе общеязыковых универсальных концептуальных моделей, реализуемых в авторском контексте разными способами (от полного соответствия узуальному образному представлению до отдельных окказиональных словоупотреблений). В работах когнитивистов Дж. Лакоффа и М. Тернера находим утверждение об отсутствии непреодолимой границы между конвенциональной и авторской метафорой, об их связи, об общих механизмах порождения (единой когнитивной основе): авторская метафора представляет собой трансформацию метафоры конвенциональной [31]. Согласимся в этой связи с А.Л. Токаревой, отмечающей, что «часто оригинальность авторской метафоры обусловлена не разрушением существующих метафорических моделей, а их уточнением» [1. С. 19], поскольку авторские метафорические единицы чаще всего строятся на основе реализации типового образного представления с развитием ключевого образа, лежащего в основе базовой метафорической модели. Ту же мысль находим и в работах Е.Б. Рябых: «...ассоциативно-аналоговая деятельность человека реализуется по строго определенным, ограниченным в своем числе моделям», поэтому «индивидуально-авторская метафора не может быть внесистемной» [27. С. 265]. Тем не менее вопрос о природе и механизмах порождения авторских метафорических выражений, закрепленных контекстуально, остается, на наш взгляд, все еще открытым. Например, Н.Н. Болдырев рассматривает индивидуально-авторские метафоры «как частные когнитивные схемы языковой интерпретации» и отмечает, что «механизм (их) формирования... представляется еще не до конца изученным» [29. С. 312]. Исследователи процессов формирования авторской метафоры справедливо утверждают, что «художественная метафора является репрезентантом авторской картины мира, что и определяет специфику ее когнитивно-функциональной сущности в художественном дискурсе» [4. С. 126], а «изучение когнитивной метафоры в художественном дискурсе позволяет выявить и описать глубинные структуры, формирую-

щие индивидуально-авторскую картину мира» [3. С. 113]. В данном исследовании мы придерживаемся мнения о необходимости сочетания (метафорического) когнитивного подхода к интерпретации метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон) и смыслового, подразумевающего возможность нетрадиционных, ситуативных моментов реализации той или иной образной проекции в контексте (А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян), поскольку они иногда «могут основываться на окказиональных словоупотреблениях» [1. С. 22], созданных на основе субъективного опыта и мировидения автора. Согласимся с мнением Б.Т. Дзусовой, отмечающей, что «сущность метафоризации в художественных текстах всегда сводится к единству двух процессов – когнитивного и семантического» [5. С. 278]. В тексте происходит часто расширение метафор, актуализация нетипичных признаков [1]. Рассмотрим этот процесс более детально.

Расширение образного потенциала единицы в контексте приводит к смене структурно-семантического статуса (из узуальной в авторскую/окказиональную). В этой связи интересны работы ученых, исследующих процессы контекстуального расширения метафоры и феномен расширенной метафоры [32–36]. Расширенная метафора формируется путем группировки подобразов и добавочных образов вокруг базовой метафоры [32, 34]. Использование разного рода контекстных актуализаторов усиливает образный и аксиологический потенциал образной единицы, формирует эмоциональный фон, а также «увеличивает семантическую спаянность оборота с контекстом» [35. С. 148].

Нами были выделены три группы авторских трансформаций.

Группа 1. Без изменения формы узуальной образной единицы.

Оживление признака метафоризации происходит за счет:

а) добавления дополнительной образной единицы. Например: *окрепнуть* (о любви) + *процесс кристаллизации* (*Их любовь ещё не окрепла, процесс кристаллизации не закончился*); *выступать клином* + *острие клина* (*Передний край немцев выступал клином, острие клина подходило к нашему взводу совсем близко, метров на полтора*);

б) развития ситуации, заложенной в идиоматичной образной единице. Например: *лед тронулся* + *может, теперь и пойдет* (– *Смотрите, господа, лед тронулся, – объявил Медведев. – Может, теперь пойдет*). Расширение осуществляется при одновременной актуализации в контексте как переносного значения идиомы *лед тронулся* (о начале решения какой-либо проблемы, нахождении выхода из сложной ситуации), так и прямого (буквального) значения выражения (*лед тронулся, лед пошел* – о ледоходе). В результате получается метафорическая цепь, реализующая единый образ базовой метафоры. Подобраз *может теперь и пойдет* «может быть понят только в соотнесении с основным образом фразеологизма» [35. С. 148]. Иногда происходит не просто развитие базового образа, а его переосмысление, в результате возможна смена ожидаемой модальности. Например, в языке закрепилось прецедентное выражение *все лучшее впереди* // *все еще впереди*, транслирующее веру человека в будущее. В романе «Мой лейтенант» жена

героя Римма произносит следующие слова: *У меня впечатление, что мы еще не начали жить по-настоящему. То ждали, когда война кончится, то, когда обустроишься на работе, то, когда дадут жилье получше – все время все впереди, как морковка перед мордой осла.* Введение добавочного образа как морковка перед мордой осла смещает фокус восприятия базового образа с оптимистичного на пессимистичный (горькая ирония о недоступности хорошей жизни);

в) использования нетипичного субъекта действия. Например: *прочистить мозги* (доступно объяснить что-то, научить, заставить думать по-другому). Но в контексте (*Война прочистила мозги, рад, что выбрался с руками, ногами*) в качестве субъекта действия выступает война, что существенно меняет восприятие базового образа, переводит идиому в разряд авторских, вносит в ее семантику авторскую модальность, этому также способствует включение в контекст дополнительных элементов *рад, что выбрался с руками, ногами*, усиливающих эмоциональный эффект и аксиологический потенциал базовой образной единицы. Другой пример: *вычеркнуть из жизни* (*Иголкин палил в них из автомата. Пулеметные очереди одна за другой вычеркивали из жизни остатки полка*). Традиционно выражение *вычеркнуть из жизни* предполагает одушевленный субъект («кто вычеркнул кого из своей жизни»). Здесь же субъект – пулеметные очереди. В результате происходит полная семантическая трансформация идиоматичного выражения без изменения его структуры: *вычеркнуть из жизни* в языке – «забыть», у Гранина – «убить»;

г) присутствия в контексте мотивационно связанных слов. Структура выражения: идиома + актуализатор, которым выступает мотивационно связанное слово, образованное от ключевого слова идиомы. Эти уточняющие слова расширяют состав и семантику устойчивого выражения.

Например:

смешаться в голове + смесь (*Д. уже перестал чему-нибудь удивляться. Сон и явь смешались в его голове и смесь эта была замечательной*);

стоять дыбом + вздыбиться (*Густая его шевелюра всегда стояла дыбом, а ныне, или мне показалось, он весь вздыбился*);

подохнуть как собака + подыхание (*Настоящей войны нет, есть подыхание. Шел воевать, вместо этого как собака подыхну. Немцы обещают по радио – плов, шашлык, каши от пуза – слушать невозможно. Переходят. Изменники, конечно, да только неохота вот так без пользы погибать*).

Группа 2. С изменением формы узуальной образной единицы, без изменения семантики. Сюда относим образные идиомы, имеющие авторское формальное выражение, но, во-первых, реализующие общезыковую семантику без существенного ее изменения в контексте; во-вторых, оформленные по типовой (узнаваемой) общезыковой модели, т.е. имеющие в языке идиому-аналог. Необычность, новизна формы привычного идиоматичного выражения и служит способом перевода единицы в разряд авторских.

Например: *вымарать из истории* = *вычеркнуть из жизни*//*выкинуть из памяти* (узнаваемая модель: глагол с ВЫ + предлог ИЗ + абстрактное существительное). *Ни в книгах, ни в мемуарах – нигде ничего не упоминалось про этот день. Его уничтожили, вымарали из истории* (*сентябрь 1941 года, когда на один день Ленинград оказался не прикрыт от немцев).

Или: *все срывалось со своих мест* = *все смешалось в голове* (*То, что говорил комбат, надо было выполнять, то, что говорил комиссар, надо было понимать. А я не понимал, если же начинал понимать, то в голове у меня все срывалось со своих мест*).

Группа 3. Частичное изменение формы: замена отдельных элементов в составе образного выражения с целью актуализации стертого признака. Оживление мертвых метафор. Например, такого рода трансформация коснулась стертой метафоры *время идет* (в языке), реализующей представление о времени как явлении, обладающем способностью двигаться – идти. В контексте у Гранина находим актуализацию этого образа за счет добавления глаголов, указывающих на увеличение скорости движения (*время помчалось*) или демонстрирующих способность времени перемещать человека из одного периода в другой (*время унесло*), а также благодаря использованию в контексте предметной метафоры (*время – часы, которые спешат/отстают* и *время – циферблат*): *Жизнь постигается, когда она проходит, оглянешься назад и понимаешь, что там было, а так живешь, не глядя вперед, откуда она приходит. У каждого время отсчитывается по собственным часам. У одного они спешат, у другого отстают, какое правильное – неизвестно, не с чем сверить, хотя циферблат общий; В наступлении время помчалось как никогда раньше; С годами вопросы становились все наивнее. Я уже не раздражался, я видел, как время унесло меня от этого поколения.*

Главная функция таких трансформаций – аксиологическая, автор выражает свое отношение, используя оценочный потенциал метафоры. В романе «Мой лейтенант» оценочная функция образных единиц проявляется наиболее ярко. Автор произведения описывает войну и действия человека, вовлеченного в водоворот мировой истории, с аксиологических позиций. Также события довоенного времени, люди, еще не испытавшие всех тягот войны, подвергаются образному осмыслению и оценке. Рассмотрим более детально виды оценок, представленные в романе писателя.

Аксиологический потенциал образных единиц в романе Д. Гранина

Аксиологический потенциал образных единиц исследовался в работах В.К. Харченко (изучение эмоционально-оценочной функции метафор), В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.И. Рогалевой (создание аксиологического словаря на материале паремиологического фонда), А.Л. Хлебниковой (сопоставление оценочных метафор в нескольких языках), Т.В. Григорьевой (исследование оценочной семантики метафорических оппозиций), Ж.В. Краснобаевой-Черной (выявление ценностей культур на материале

фразеосемантического поля), А.В. Боровковой (разработка методики аксиологического анализа образных средств языка) и др. [37–43]. Оценочность – это «компонент в семантической структуре языковой единицы, оценка, выраженная средствами языка, или заложенная в семантике единицы информация о положительной или отрицательной характеристике объекта, об одобрительном / неодобрительном отношении к объекту» [44. С. 14].

Оценка по своей природе дуалистична, она соотносится с понятием нормы, соответственно, во-первых, все оценочные языковые единицы могут быть представлены двумя обширными группами с положительной (мелиоративной) и отрицательной (пейоративной) семантической нагрузкой. Во-вторых, они могут быть рассмотрены в соответствии с ценностными установками коллективного или индивидуального сознания. Наиболее известная классификация оценок принадлежит Н.Д. Арутюновой, которая выделяет общеоценочные значения (с положительной и отрицательной оценкой) и частнооценочные, представленные разными формами «добра» и «зла». Среди них выделяются сенсорно-вкусовые, психологические (интеллектуальные и эмоциональные), эстетические, этические, утилитарные, нормативные, телеологические [24. С. 75–76]. Последующие работы развивают эту теорию, дополняя ее новыми видами оценок: диффикулярная (легко – трудно), рейтинговая (престижно – непрестижно), витальная (жизнь – смерть) и др. [45–46]. Также исследователи единодушны во мнении, что следует ввести понятие смешанной (комплексной) оценки, совмещающей разные типы оценок.

Анализ материала (70 оценочных образных единиц) позволил выделить следующие виды оценок (даются в порядке убывания). В общем виде типология представлена на рис. 1.

Рис. 1. Типология оценок

Группа 1. Эмоционально-чувственная оценка (22%). Прежде всего в романе о войне репрезентируется страх смерти. Каждый эпизод, связанный с военными действиями, сопровождается метафорическим описанием чувства страха. В первые дни войны, когда еще не было сражений, это чувство только зарождается и не вызывает столь отрицательной оценки: *...от первых воздушных тревог в комнате становилось уютнее, страха еще не было, то есть он был, но как приправа.* Но уже в ситуации первого боя это чувство полностью овладевает героем, страх превращается в огромное существо или злой рок, с которым невозможно бороться: *Ужас поглотил меня целиком; Массовый страх парализует мысль; Звук пикирующего самолета расплющивал меня; Я остался один на один с этой детящей ко мне со всех сторон смертью.* В таком состоянии происходит процесс «расчеловечивания»: *Проходили минуты, меня не убивали, меня превращали в дрожащую слизь, я был уже не человек, я стал ничтожной, наполненной ужасом тварью; ...а как пришлось настоящей войны хлебнуть, так хвост поджал и бегом назад.*

Группа также представлена и образными единицами, обозначающими положительные эмоции, приятные чувства. В частности, достаточно большую часть романа занимает описание отношений героя со своей супругой, и чувства влюбленности, любви также подвергаются процессу метафоризации и оценке. Герой в ситуации ухаживания за понравившейся женщиной сравнивает себя с самцом птицы в весенний период: *Откуда-то появляются ловкость и сила, срабатывает древний инстинкт, к человеку возвращается прекрасное природное естество, поют без усталы свои серенады, дятлы отщелкивают-барабалят свои любовные призывы, не щадя головы... самец себя показывает, себя утверждает, возвеличивает.* Интересно, что для описания любовных чувств используются образные единицы, связанные с некоторыми научными сферами: химией (*Их любовь еще не окрепла, процесс кристаллизации еще не закончился*), географией (*Любовь не бывает сплошной, она как цепь островов, опустелых, больших и малых потухших вулканов, рифов*).

Радость, определяемая как активная положительная эмоция, подвергается как мелиоративной, так и пейоративной оценке в зависимости от ситуации, в которой оказывается герой. Когда начинается продвижение советских войск в сторону врага, это чувство становится прекрасным: *Наступление окрыляло.* Но в послевоенное время автор чувствует угрызения совести, вернувшись с фронта живым и невредимым, в то время как другие погибли на поле боя. И тогда радость приобретает негативную оценку: *Радость, бесстыдная, пришла не сразу.*

Группа 2. Этическая оценка (20%). Противопоставление родного и чужого, своих и врагов, ярко выраженное в художественной литературе на военные темы, в этом романе уступает место другой оппозиции: *человек – не человек*, причем она проявляется при описании своих. Герой, вспоминая события прошлых лет, прежде всего дает оценку командующему составу советской армии, а не немецкой стороне. Безразличное отношение к жизни простых людей, желание сохранить свои позиции на поле боя любой ценой,

страх за свою должность толкали военачальников на бесчисленные людские жертвы, за что они получают в романе прозвище «мясники»: *У начальства выигрывал тот, кто атаковал, кладя людей без счета, кидая в бой все, что мог, кто требовал еще и еще, кто брал числом, мясом. Сколько было таких мясников среди прославленных наших генералов!* Также при их описании используется образ хищного животного: *Все они из одной стаи*. Сам герой убежден: *Хорошо воюет тот, кто воюет малой кровью*.

Часть книги посвящена описанию блокадной жизни Ленинграда, здесь также возникают бинарные оппозиции человек – не человек, человек – животное, зверь. Все образные единицы имеют негативную оценку: *Блокада открывала человеку, каков он, что он способен выдержать и не расчеловечиться*; *Сколько людей не выдерживали испытаний, зверели*.

В основном образному переосмыслению подвергаются отрицательные человеческие качества: излишняя требовательность, жесткость (*Гонял нас старшина. Зверюга*), навязчивость (*Начальник тут посерьезнел, кто это неучи, кого она имеет в виду? Вцепился, как клещ*), беспутность, безнравственность (*Вот, Таисья, наш итээр появился... А мы с тобой тут разлагаемся*), женское непостоянство (*...никогда не думал, что в ней обитала целая компания разных особ*), неспособность сдержать слово, лживость (*...дура была, верила обещаниям, Хрущеву поверила, а он замахнулся и скис*. Какие они все *скоропортящиеся*).

Положительно оцениваются такие качества, как смелость и сила: *...русский солдат в одних трусах им всем кузькину мать покажет*; *...получился этаким богатырь из народных сказок*.

Группа 3. Валеологическая (медицинская) оценка (16%). Данная группа традиционно реализует бинарную оппозицию здоровый – больной. Но также она может быть расширена за счет других оппозиций, связанных с физиологическими состояниями человека: живой – мертвый, молодой – старый, отдохнувший – уставший и др.

Прежде всего в романе развиваются мысли о жизни и смерти. На войне человек в любую минуту может погибнуть, т.е. оказаться в другом мире, преодолев невидимую преграду, которая связывает мир живых и мир мертвых. С одной стороны, описывается реальная смерть людей, погибающих в бесчисленных боях. Она традиционно воспринимается как переход из одного мира в другой: *Это была одна огромная секунда. Она все тянулась, растягивалась. Он лежал у меня на руках, становился все легче. Потому что уходил ... Я знал этот переход, навидался, последний шаг, когда человек переступает порог*. С другой стороны, и при описании живых людей используются образные единицы с семантикой смерти. Это происходит в том случае, когда речь идет о тяжелом болезненном состоянии (физиологическом или ментальном): *На самом деле он уже мертвец, но продолжает жевать*; *Он столкнулся с подсудимыми, когда их вели в зал. Их, видно, приодели, припудрили, но все равно шли мертвецы*; *Зря их напудрили, лица стали гипсово-белыми, будто посмертные маски*; *Его лечили в госпитале от ранения плюс дистрофия. Полное истощение. Скелетик*» и др.

Всю ткань произведения пронизывают рассуждения о молодости и старости, ведь главный герой сравнивает себя настоящего, постаревшего, с тем молодым лейтенантом, который когда-то отправился на войну. И если понятие молодости не выходит за рамки прямых толкований, то старость понимается прежде всего как тяжелый опыт, пережитый в военные годы, а не как возрастной период, наступающий после зрелости: *Я вдруг увидел, какая она еще молодая. И какой я старый. Истрепанный. Провонял смертью. Пропитан ненавистью. ...Если б она знала, как война въелась, налипла, никакой баней не отмоешь; Тут возник Ермаков, потухший, старый, облезлый, каким он будет.*

Также образному переосмыслению подвергаются состояния усталости (*На работе у него была раскладушка, иногда он являлся туда переночевать. Валился без задних ног и спал сладко, как в землянке*), голода (*Сперва казалось, что к голоду привыкнуть нельзя. Но теперь это чувство притупилось, во рту все время нullo. Десны опухли, они были как ватные*), опьянения (*А ты, тоже пьяный как свинья, валяешься в коридоре*) и др.

Группа 4. Сенсорно-вкусовая оценка (16%). Под сенсорно-вкусовой подразумевается та оценка, которая основана на получении информации с помощью органов чувств: глаз, ушей, языка, носа, кожи. В романе Д. Гранина преобладают оценки, сформированные в результате зрительного, обонятельного и слухового восприятия. К зрительной оценке автор прибегает при описании человеческого тела (*черничные глазки; золотисто-пепельные волосы; глаза его, светло-алюминиевые* и др.) или природы (*серебрился овес; золотились ржаные поля* и др.). Также замечен и обратный процесс: объекты неживого мира соотносятся с человеческими качествами, свойствами на основании некоторых признаков: *Кормили пищенной кашей, то самой "блондинкой".*

На обонятельном восприятии создаются как положительные, так и отрицательные образы. Например, образные единицы, с помощью которых описывается военное время, сопоставляются с предметами, имеющими неприятный запах (*Прогорклый запах разрухи был как запах смерти*), а состояние влюбленности передается через объекты окружающего мира, имеющие приятный запах (*Она гладила меня, руки у нее были шершавые, грубые, зато тело нежное и крепкое, и пахло оно, как этот шалаш – хвоя, березовый лист*).

Слуховая оценка в произведении дается неприятным людям или звукам: *голос дребезжащий, неприятно жестяной*. Вкусовая оценка передает приятные ощущения от какого-либо предмета: *А сгущенку-то зараз съестъ свою долю в двести грамм кто ж себе позволит? Ее, красавицу, тянуть по ложечке в день.*

Группа 5. Эстетическая оценка (10%). Данная группа реализует бинарную оппозицию *прекрасное – безобразное*. В романе образные единицы преимущественно имеют негативную окраску. Много описаний внешнего вида рядовых солдат и командиров в моменты отступлений. Небрежно одетые, в разорванной грязной одежде, они молча проходят вдоль дороги, у них *рас-*

христианный вид, глаза голые, без ресниц и др. На лицах – следы бесконечных сражений и усталости: Темная, словно запеченная физиономия Медведева еще сильнее сморщилась. Герой с жалостью смотрит на трупы людей, изможденных голодом и холодом, и замечает, что они стали меньше и тоньше: Трупы узенькие, сухонькие, как подростки.

Группа 6. Интеллектуальная оценка (9%). Большинство образных единиц этой группы передает такое качество, как глупость. Но если в традиционной русской культуре оно оценивается как отрицательное, то в романе Д. Гранина чаще приобретает положительную окраску. Это качество становится полезным в определенных ситуациях на войне, когда нужно выйти из трудного положения: Мне нравится это выражение идиота на своем лице. Рот приоткрыт, глаза бессмысленны, олигофрен; Иосиф Швейк изобрел выход из любого затруднения солдатской жизни – становится придурком, швейковаться. Но несмотря на это, положительно оцениваются и умные люди: Владимир Николаевич Новиков умел «топить» вопросы; Смотри-ка, что-то варит твой котелок. Негативно оцениваются люди, чьи мысли сумбурны, непоследовательны, не поддаются никакой логике: Он всегда был с тараканами, этот Чиколев.

Группа 7. Утилитарная оценка (7%). Данная оценка проявляется в бинарной оппозиции *полезный – бесполезный*. Образные единицы, описывающие ход военных действий в первые годы войны, становятся своеобразными маркерами, с помощью которых дается оценка событиям прошлых лет: ...система давно уже захлебывается; Наступление захлебнулось; Танк – это ненадежная скотина, до большой звездочки на нем не добраться; Армия наша была машиной без заднего хода.

В группе зафиксирована только одна образная единица с положительной оценкой, и связана она с событиями довоенной жизни, регистрацией брака главного героя и его возлюбленной: Когда зарегистрировались в ЗАГСе, это был амулет, он должен был помочь не потеряться.

Выводы

Проведенный анализ позволил выделить основные группы образных единиц в романе Д. Гранина «Мой лейтенант» с учетом соотношения в их формально-семантической организации общеязыкового и индивидуально-авторского. В произведении представлены образные единицы лексического и синтаксического уровней, анализ контекстуальной реализации которых определил их принадлежность к группе языковых, реализующих общеязыковое содержание, или индивидуально-авторских, обусловленных контекстом. Выделены основные способы трансформации структурно-семантического статуса образных единиц в контексте, где происходит оживление признака, лежащего в основе метафоризации: использование мотивационно связанных слов, нетипичного субъекта/объекта действия или включение добавочного элемента (подобраза), смещающего модальность восприятия и

др. На основе анализа основных механизмов формирования авторских метафорических выражений сделан вывод о том, что авторство образной единицы является частным случаем реализации общезыковых универсальных концептуальных моделей. Проведенный анализ позволил утверждать, что основной функцией такого рода трансформаций является функция аксиологическая. Зафиксировано несколько групп образных единиц, имеющих оценочную семантику. Среди них преобладающими являются следующие виды оценок (в порядке убывания): эмоционально-чувственная, этическая, валеологическая, сенсорно-вкусовая, эстетическая, интеллектуальная и утилитарная. Количественный состав групп указывает на то, что автором произведения прежде всего оценивается душевное состояние героя во время войны и в послевоенное время, также особое значение приобретают вопросы морали, нравственности, физиологического состояния человека. Интересно, что аксиологические характеристики внешности человека и его умственных способностей, традиционно преобладающие в различных видах дискурса, в данном художественном произведении не являются доминантными. Также было выявлено более 80 % пейоративных единиц от общего числа образных слов и выражений, рассматриваемых с аксиологических позиций. Такое соотношение видов оценок связано с основной темой данного художественного произведения: на войне человек в основном испытывает отрицательные эмоции (страх за свою жизнь, за родных и близких, чувство невозможности повлиять на ход событий, ощущение трагического конца и др.), на первый план выходит забота о физическом и психическом здоровье. Описание послевоенного времени также изобилует пейоративными образными единицами: чувство вины, что остался жив, а другие погибли, воспоминания о прошлом не дают возможности начать полноценную новую жизнь. Общее количество мелиоративных образных единиц превалирует над пейоративными только в описаниях довоенной жизни.

Итак, проведенное исследование подтверждает необходимость изучения образных слов и выражений с метафорической семантикой на материале произведений современной русской литературы, поскольку позволяет представить индивидуально-авторскую картину мира с системой универсальных и трансформированных образных смыслов, а также описать структуру метафорических выражений, преломленных сквозь призму художественного сознания языковой личности. Примеры свидетельствуют о высокой степени метафоричности и оценочности текстов Д. Гранина и в целом дают дополнительные представления о его творчестве.

Список источников

1. Токарева А.Л. Авторские и языковые метафоры негативных эмоций в современной итальянской художественной прозе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 211 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

3. *Склярова О.С.* Метафора как лингвокогнитивный механизм формирования художественной картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 113–116.
4. *Аишурова Д.У.* Когнитивная сущность конвенциональной и художественной метафоры: сопоставительный анализ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 121–136.
5. *Дзусова Б.Т.* О лингвистической роли когнитивной метафоры в художественном тексте // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 277–279.
6. *Самигуллина А.С.* Метафора в когнитивно-семиотическом освещении. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. 316 с.
7. *Гранин Д.А.* Мой лейтенант. М. : ОЛМА Медиа групп, 2013. 320 с.
8. *Полторац С.Н.* Гранин. М. : Кучково поле, 2019. 448 с.
9. *Бабичева М.Е.* «Большая книга» о большой войне: роман Д.А. Гранина «Мой лейтенант» – лауреат национальной литературной премии // Stephanos. 2020. № 2 (40). С. 25–36.
10. *Перевалова С.В.* «Эхо» Сталинградской битвы в русской прозе нового тысячелетия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 7 (111). С. 116–123.
11. *Полехина М.М.* «...Мы сохранили город белых ночей»: Великая Отечественная война в книге Даниила Гранина «Мой лейтенант» // Русская словесность. 2015. № 3. С. 55–64.
12. *Рогова К.А.* О «петербургском тексте» в современной художественной литературе (опыт анализа целого текста) // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 77–85.
13. *Петухова Е.Н.* Два ракурса блокадной темы в произведениях петербургских авторов («Мой лейтенант» Д. Гранина и «Вид с Монблана» Н. Соколовской) // Русская литература в иностранной аудитории : сб. науч. ст. Вып. 9. СПб., 2020. С. 44–53.
14. *Куртин А.С., Данилина Г.И.* Пограничная ситуация и нарратив войны (на материале романа Даниила Гранина «Мой лейтенант») // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2020. Т. 6, № 1 (21). С. 90–104.
15. *Белова Т.Д.* Тяжелая правда начала войны в романах К. Симонова и Д. Гранина («Живые и мертвые», «Мой лейтенант») // Правда о войне в художественных интерпретациях: К юбилею Победы: материалы XXV Шешуковских чтений. М., 2021. С. 32–46.
16. *Колядич Т.М.* Особенности нарратива в повести Д. Гранина «Мой лейтенант» // Отечественная словесность о войне: Проблема национального сознания: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы XX Шешуковских чтений. М., 2015. С. 296–305.
17. *Полехина М.М.* Концептуализация страха не-бытия в книге о войне Даниила Гранина «Мой лейтенант» (об актуализации универсальных бинарных оппозиций) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 5. С. 1181–1190.
18. *Ротанова Н.М.* Вербализация эмотивного оценочного концепта «Страх» в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант» // Филологические знания на современном этапе. Курган, 2015. Вып. 4. С. 24–31.
19. *Бойко Б.Л.* Фронтные реалии в языковой картине мира принимающей культуры (на материале немецкого перевода романа Д. Гранина «Мой лейтенант») // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2015. № 3. С. 85–100.
20. *Пушкарева Н.В.* Языковая личность профессионала в русской языковой картине мира (на материале русской прозы) // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. № 1. С. 560–570.

21. Ярошенко О.А. Основные составляющие образного компонента лингвокультурного типажа «русский интеллигент» // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 147–153.
22. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
23. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
24. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
25. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993. 150 с.
26. Дулесов Е.П. Конвенциональные метафоры в русской и польской политической коммуникации (на материале текстов СМИ, посвященных парламентским выборам) // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 5. С. 19–25.
27. Рябых Е.Б. Интерпретирующий потенциал метафоры в рамках современного поэтического дискурса // Культура в зеркале языка и перевода : материалы 8-й Международной научной конференции. Тамбов, 2020. С. 262–272.
28. Langacker R.W. *An Overview of Cognitive Grammar* // Topics in Cognitive Linguistics / ed. by B. Rudzka-Ostin. Amsterdam: Philadelphia, 1998. P. 3–48.
29. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. М., 2018. 480 с.
30. Юрина Е.А. Пищевая метафора: объем и границы понятия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–1 (63). С. 207–212.
31. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago : University of Chicago Press, 1989. 230 p.
32. Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. 292 p.
33. Denroche Ch. Text metaphonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse // Metaphor and the social world. 2018. Vol. 8 (1). P. 1–24.
34. Арсентьева Е.Ф., Арсентьева Ю.С. Расширенная метафора как один из типов окказионального использования фразеологизмов-эвфемизмов: экспериментальное исследование // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 5–16.
35. Куранова Т.П. Расширенная метафора как вид фразеологической инновации в жанре спортивного комментария // Фразеология и паремнология в диахронии и синхронии (от арханизации к неологизации) : материалы Международной научно-практической конференции. Кострома, 2020. С. 148–149.
36. Ковязина Е.Н. Комплексные метафорические и/или метонимические конструкции как вербальные репрезентанты футурологических концептов-оппозитов // Известия Смоленского государственного университета. 2022. № 2 (58). С. 82–94.
37. Харченко В.К. Функция метафоры : учеб. пособие. М. : ЛКИ, 2007. 85 с.
38. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Восточнославянские параллели и уникалии в трехязычном аксиологическом словаре пословиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 4. С. 126–136.
39. Никитина Т.Г., Роголева Е.И. Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 70–92.
40. Хлебникова А.Л. Гендерные метафоры русского и английского языков: метафорические фрагменты ценностной картины мира // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 26–31.
41. Григорьева Т.В. Функциональная модель развития оценочного значения и ее особенности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 23–28.
42. Краснобаева-Черная Ж.В. Опыт осмысления ценностной картины мира во фразеологии: структурная организация (на материале русского, украинского, английского и

немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 98–116.

43. Боровкова А.В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 5–13.

44. Чернявская Е.А. Оценка и оценочность в языке художественной речи: на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А.С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2001. 270 с.

45. Алексеева А.А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: новое вино в новые меха? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 5–15.

46. Мурашова Е.А. Маркеры аксиологического оценивания в казачьих пословицах и поговорках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 127–134.

References

1. Tokareva, A.L. (2020) *Avtorskie i yazykovye metafory negativnykh emotsiy v sovremennoy ital'yanskoy khudozhestvennoy proze* [Author's and linguistic metaphors of negative emotions in modern Italian fiction]. Philology Cand. Diss. Moscow.

2. Boldyrev, N.N. (2016) Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii [Cognitive schemas of linguistic interpretation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4. pp. 10–20.

3. Sklyarova, O.S. (2020) Metafora kak lingvokognitivnyy mekhanizm formirovaniya khudozhestvennoy kartiny mira [Metaphor as a linguocognitive mechanism of the development of fiction world picture]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (147). pp. 113–116.

4. Ashurova, D.U. (2023) Kognitivnaya sushchnost' konventsional'noy i khudozhestvennoy metafory: sopostavitel'nyy analiz [Cognitive nature of conventional and literary metaphor: comparative analysis]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 121–136.

5. Dzusova, B.T. (2019) O lingvisticheskoy roli kognitivnoy metafory v khudozhestvennom tekste [On the linguistic role of cognitive metaphor in artistic text]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 8. 3 (28). pp. 277–279.

6. Samigullina, A.S. (2008) *Metafora v kognitivno-semioticheskom osveshchenii* [Metaphor in cognitive-semiotic coverage]. Ufa: Bashkir State University.

7. Granin, D. (2013) *Moy leytenant* [My Lieutenant]. Moscow: ZAO OLMA Media Grupp.

8. Poltorak, S.N. (2019) *Granin* [Granin]. Moscow: Kuchkovo pole.

9. Babicheva, M.Ye. (2020) “Bol'shaya kniga” o bol'shoy voyne: roman D.A. Granina “Moy leytenant” – laureat natsional'noy literaturnoy premii [The Great Book about the Great War: Daniil Granin “My Lieutenant” – Laureate of the National Literary Award (Big Book)]. *Stephanos*. 2 (40). pp. 25–36.

10. Perevalova, S.V. (2016) “Ekho” Stalingradskoy bitvy v russkoy proze novogo tysyacheletiya [“The Echo” of the Battle of Stalingrad in the Russian prose of the new millennium]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 7 (111). pp. 116–123.

11. Polekhina, M.M. (2015) “...My sokhranili gorod belykh nochey”: Velikaya Otechestvennaya vojna v knige Daniila Granina “Moy leytenant” [“... We kept the city of the white nights”: the great patriotic war in Daniil Granin's book “my lieutenant”]. *Russkaya slovesnost'*. 3. pp. 55–64.

12. Rogova, K.A. (2013) O “peterburgskom tekste” v sovremennoy khudozhestvennoy literature (opyt analiza tselogo teksta) [On “petersburg text” in modern fiction (entire text study experience)]. *Mir russkogo slova*. 1. pp. 77–85.

13. Petukhova, E.N. (2020) Dva rakursa blokadnoy temy v proizvedeniyakh peterburgskikh avtorov (“Moy leytenant” D. Granina i “Vid s Monblana” N. Sokolovskoy) [Two perspectives

of the blockade theme in the works of St. Petersburg authors ("My Lieutenant" by D. Granin and "View from Mont Blanc" by N. Sokolovskaya)]. In: *Russkaya literatura v inostrannoy auditorii: sbornik nauchnykh statey*. [Russian literature in foreign audiences: a collection of scientific articles]. Vol. 9. Saint Petersburg. RSPU. pp. 44–53.

14. Kuprin, A.S. & Danilina G.I. (2020) Pogranichnaya situatsiya i narrativ voyny (na materiale romana Daniila Granina "Moy leytenant") [The Limit Situation and the Narrative of War (on the Material of the Novel "My Lieutenant" by Daniil Granin)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. Vol. 6. 1 (21). pp. 90–104.

15. Belova T.D. (2021) [The hard truth of the beginning of the war in the novels of k. Simonov and d. Granin ("The living and the dead", "My lieutenant")]. *Pravda o voyne v khudozhestvennykh interpretatsiyakh. K yubileyu Pobedy* [The truth about the war in artistic interpretations. To the anniversary of Victory] Proceedings of the XXV Sheshukov Readings. Moscow: MSPU. pp. 32–46. (In Russian).

16. Kolyadich, T.M. (2015) [Features of a narrative in D. Granin's novel "My lieutenant"]. *Otechestvennaya slovesnost' o voyne. Problema natsional'nogo soznaniya: K 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Russian literature about the war. The problem of national consciousness: To the 70th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Proceedings of the XX Sheshukov Readings. Moscow: MSPU. pp. 296–305. (In Russian).

17. Polekhina, M.M. (2016) Kontseptualizatsiya strakha ne-bytiya v knige o voyne Daniila Granina "Moy leytenant" (ob aktualizatsii universal'nykh binarnykh oppozitsiy) [Conceptualization of the Fear of Non-Being in the Book About War "My Lieutenant" by Daniil Granin (on Actualization of Universal Binary Oppositions)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 9 (5). pp. 1181–1190.

18. Rotanova, N.M. (2015) Verbalizatsiya emotivnogo otsenoch'nogo kontsepta "Strakh" v romane Daniila Granina "Moy leytenant" [Verbalization of the emotive evaluative concept "Fear" in Daniil Granin's novel "My Lieutenant"]. In: *Filologicheskie znaniya na sovremennom etape* [Philological knowledge at the present stage]. Vol. 4. Kurgan. pp. 24–31.

19. Boiko, B.L. (2015) Frontovye realii v yazykovoy kartine mira prinimayushchey kul'tury (na materiale nemetskogo perevoda romana D. Granina "Moy leytenant") [Front realia in the language world picture of the receiving culture: a case study of a German translation of Daniil Granin's novel "My lieutenant"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. 3. pp. 85–100.

20. Pushkareva, N.V. (2020) Yazykovaya lichnost' professionala v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale russkoy prozy) [Professional's linguistic personality in Russian linguistic view of the world (on the material of Russian prose)]. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*. 1. pp. 560–570.

21. Yaroshenko, O.A. (2010) Osnovnye sostavlyayushchie obraznogo komponenta lingvokul'turnogo tipazha "russkiy intelligent" [Basic elements of image-bearing component of the linguo-cultural character type "Russian intelligent"]. *Vestnik Samarского gosudarstvennogo universiteta*. 3 (77). pp. 147–153.

22. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

23. Blinova O.I. & Yurina E.A. (2008) Obraznaya leksika russkogo yazyka [Image-bearing vocabulary of the Russian language]. *Yazyk i kul'tura*. 1. pp. 5–13.

24. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt*. [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka.

25. Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the system of language]. Saint Petersburg: Nauka.

26. Dulesov, E.P. (2015) Konventsional'nye metafory v russkoy i pol'skoy politicheskoy kommunikatsii (na materiale tekstov SMI, posvyashchennykh parlamentskim vyboram)

[Conventional metaphors in Russian and Polish political communication (based on mass media texts on parliamentary election)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 25 (5). pp. 19–25.

27. Ryabykh, E.B. (2020) [Interpretive potential of metaphor in the framework of modern poetic discourse]. *Kul'tura v zerkale yazyka i perevoda* [Culture in the Mirror of Language and Literature]. Proceedings of the Eighth International Conference. Tambov: Derzhavinskiy. pp. 262–272. (In Russian).

28. Langacker, R.W. (1998) An Overview of Cognitive Grammar. In: Rudzka-Ostin, B. (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Philadelphia. pp. 3–48.

29. Boldyrev, N.N. (2018) *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. Moscow: YaSK.

30. Yurina, E.A. (2015) Pishchevaya: metafora: ob'em i granitsy ponyatiya ["Food metaphor": the scope and limits of the concept]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3–1 (63). pp. 207–212.

31. Lakoff, G. & Turner, M. (1989) *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.

32. Naciscione, A. (2010) *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

33. Denroche, Ch. (2018) Text metaphonymy: the interplay of metonymy and metaphor in discourse. *Metaphor and the social world*. 8 (1). pp. 1–24.

34. Arsenteva, E.F. & Arsenteyeva, Yu.S. (2017) Extended Metaphor as One of the Types of Occasional Use of Phraseological Euphemisms: An Experimental Study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/50/1

35. Kuranova, T.P. (2020) [Extended metaphor as a type of phraseological innovation in the genre of sports commentary]. *Frazeologiya i paremiologiya v diakhronii i sinkhronii (ot arkhazatsii k neologizatsii)* [Phraseology and paremiology in diachrony and synchrony (from archaization to neologization)]. Proceedings of the International Conference]. Kostroma: Kostroma State University. pp. 148–149. (In Russian).

36. Kovyazina, Ye.N. (2022) Kompleksnye metaforicheskie i/ili metonimicheskie konstruksii kak verbal'nye reprezentanty futurologicheskikh konseptov-oppozitov [Complex Metaphor and/or Metonymy Structures as Verbal Representatives of Futurological Opposite Concepts]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (58). pp. 82–94.

37. Kharchenko, V.K. (2007) *Funktsiya metafory: Uchebnoe posobie* [The function of metaphor: Textbook]. Moscow: LKI.

38. Mokienko V.M. & Nikitina T.G. (2021) Vostochnoslavjanskije paralleli i unikalii v trekh"yazychnom aksiologicheskom slovare poslovits [East Slavic Parallels and Singularities in the Trilingual Axiological Dictionary of Proverbs]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 20 (4). pp. 126–136.

39. Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2022) Russian proverbs in linguo-axiological and lexicographic interpretation: Traditions and innovations. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 24. pp. 70–92. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/24/4

40. Khlebnikova, A.L. (2017) Gender metaphors of the Russian and English languages: metaphorical fragments of the axiological worldview. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 26–31. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/415/4

41. Grigorieva, T.V. (2017) The functional model of the evaluative meaning development and its peculiarities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 23–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/420/3

42. Krasnobaeva-Chernaya, Zh.V. (2018) Experience of understanding the axiological world image in phraseology: a structural organization (based on Russian, Ukrainian, English and German). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 98–116. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/54/6

43. Borovkova, A.V. (2015) Food Metaphor as a Means of Expressing Evaluation and Values (Based on Figurative Lexis and Phraseology of the Russian Language). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 396. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/396/1

44. Chernyavskaya, E.A. (2001) *Otsenka i otsenochnost' v yazyke khudozhestvennoy rechi: na materiale poeticheskogo, prozaicheskogo i epistolyarnogo naslediya A.S. Pushkina* [Evaluation and evaluativity in the language of artistic speech: based on the poetic, prose and epistolary heritage of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. Bryansk.

45. Alekseeva, A.A. (2019) The Classification of Appraisals by Their Semantic Bases: New Wine Into New Wineskins? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 449. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/449/1

46. Murashova, E.A. (2017) Markery aksiologicheskogo otsenivaniya v kazach'ikh poslovitsakh i pogovorkakh [Markers of Axiological Estimation in the Cossack Proverbs and Sayings]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. 16 (2). pp. 127–134.

Информация об авторах:

Демидова Т.А. – канд. филол. наук, доцент Отделения русского языка Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: demidtanya@yandex.ru

Пак И.Я. – канд. филол. наук, приглашенный преподаватель факультета русского языка Института иностранных языков Народного университета Китая (Пекин, Китай). E-mail: Ira3822@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Demidova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demidtanya@yandex.ru

I.Ya. Pak, Cand. Sci. (Philology), visiting lecturer, Renmin University of China (Beijing, People's Republic of China). E-mail: Ira3822@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 13.01.2025.*

*The article was submitted 11.10.2023;
approved after reviewing 17.06.2024; accepted for publication 13.01.2025.*